

**Московский педагогический
государственный университет**

А. Б. Ананченко, В. П. Попов, В. Ж. Цветков, Д. О. Чураков

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ

XX – начало XXI века

Выпуск 1

Москва
2016

Василий Попов

**Трудные вопросы истории России.
XX – начало XXI века. Выпуск 1**

«МПГУ»

2016

УДК 930(07)
ББК 63.3(2 Рос)я73

Попов В. П.

Трудные вопросы истории России. XX – начало XXI века. Выпуск 1
/ В. П. Попов — «МПГУ», 2016

ISBN 978-5-4263-0336-2

Пособие обобщает многолетний опыт научной и преподавательской деятельности, учитывает новейшие тенденции развития исторической науки в России и за рубежом. Материал широко освещает различные точки зрения по важнейшим трудным вопросам отечественной истории. Среди них такие ключевые проблемы, как участие России в Первой мировой войне, революция, парадоксы развития страны в 1920-1930-е гг. Важное место в пособии занимают параграфы, посвященные Великой Отечественной войне. В темах послевоенной истории основной упор сделан на два периода реформирования советской системы: хрущёвскую оттепель и горбачёвскую перестройку. Впервые столь подробно в учебной литературе отражены события «русской весны» в Крыму в 2014 г. Большое внимание авторский коллектив уделяет воспитательной стороне вузовского курса отечественной истории, призванного помогать молодым поколениям формировать самостоятельную гражданскую позицию и чувство патриотизма. Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования. Предназначено для учителей, студентов и школьников, углубленно изучающих историю.

УДК 930(07)
ББК 63.3(2 Рос)я73

ISBN 978-5-4263-0336-2

© Попов В. П., 2016

© МПГУ, 2016

Содержание

От редактора	7
Введение	8
Тема 1	13
Вступление России в войну. Боевые действия и положение в тылу (1914–1916 гг.)	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Алексей Ананченко, Василий Попов,
Василий Цветков, Дмитрий Чураков**
**Трудные вопросы истории
России. XX – начало XXI века:
Учебное пособие. Выпуск 1**

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Московский педагогический государственный университет»

ВЫПУСК 1

Под общей редакцией А. Б. Ананченко

Код и направление подготовки 44.03.05 – «Педагогическое образование» Профиль «История и обществознание»

Квалификация (степень) выпускника: «Бакалавр»

Рецензенты:

В. А. Волков, доктор исторических наук, профессор МИГУ

А. Ф. Киселёв, доктор исторических наук, академик РАО, профессор

От редактора

Проблемы советской истории должны объединять и воспитывать

Научные проблемы нашей истории особенно бурно обсуждаются несколько последних десятилетий. На некоторых этапах они становились даже всеобщими, выносились на публичное общественное обсуждение. Но и переставали в этом случае быть только научными проблемами, переходя в разряд политических, идеологических или общественно-психологических. Сегодня все больше становится понятным, если не обманывать себя, что научные проблемы и проблемы формирования и сохранения позитивного исторического национального сознания должны решаться по-разному и имеют различные цели.

Обсуждение сложных, спорных вопросов нашей истории, конечно, необходимо продолжать, так же как мы можем и должны говорить о таких проблемах в процессе обучения истории. А ведь может показаться – а что тут обсуждать и зачем? Ведь мы так долго ведем непримиримые споры по нашей истории уже лет 30, и нельзя сказать, что мы достигли какого-то общего представления.

Необходимость формирования национального согласия по вопросам отечественной истории требует формирования отношения к переломным и спорным этапам нашей истории, выработки снова понимания и утверждения в общественном сознании того, что такое хорошо и что такое плохо. Можно решить эту проблему и иначе, как решили ее в США и в большинстве существующих стран: просто стереть историческое сознание. Недавно об этом, например, озабоченно говорил Генри Киссинджер: *«В школах сейчас мы больше не преподаем историю как последовательность событий, ее рассказывают по темам, без контекста»*. Это возможный путь решения противоречий исторического сознания, но одновременно и радикальный, он означает и стирание самой России. Название может быть и сохранится, а Россия как культурно-историческая общность, как определенное понимание ценностей и смыслов общественной и личной жизни, как цивилизация исчезнет.

Сохранится и сохраняется ли историческое сознание автоматически? Нет, автоматически ни сознание, ни ценности не сохраняются. А мы считаем, что историческое сознание обязательно надо сохранить. Ведь историческое сознание – не просто знание истории своей собственной страны и человечества, историческое сознание означает не только знание прошлого как последовательности событий. Историческое сознание является обязательным и одним из важнейших элементов в воспитании ценностей и смыслов человека и общества, выходящих за желания потребления, в формировании понимания того, что есть истина, что есть добро, зачем я здесь, в истории, и как я должен поступить. Проблемы нашей истории, особенно советской истории, должны формировать не группы ненавидящих друг друга граждан, а люди, разделяющие общие ценности, общее представление о главном в истории как общества, так и отдельного человека.

Введение

Почему возникли «трудные вопросы» истории России

В 2014 г. рабочей группой была разработана «Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории», которая стала методической основой новой линии учебников по истории России. Концепция содержала примерный перечень «трудных вопросов»; при этом наиболее оптимальной была признана линейная (в отличие от прежней, концентрической) модель изучения истории с 5 по 10 классы. В соответствии с «линейкой» было предложено новое распределение исторического материала для изучения в отдельных классах:

- 6 класс – период с древности до конца XV века;
- 7 класс – период с начала XVI века до конца XVII века;
- 8 класс – период с конца XVII века до конца XVIII века;
- 9 класс – период с начала XIX века по 1913 г.;
- 10 класс – период с 1914 по 2014 г.

Половина «трудных вопросов» многовековой истории России, выделенных авторами концепции и включенных ими в перечень, пришлось на исторические события советской эпохи. Объясняется это рядом причин. Во-первых, в 2014 г. около 70 % населения страны составляли люди старше 25 лет. Это значит, что большая часть населения воспитывалась при советском строе, училась в советских школах, изучала отечественную историю по советским учебникам. Во-вторых, по наблюдениям социологов, глубинные преобразования, вызванные распадом Советского Союза, привели к большому разрыву между ожиданиями людей и реальностями их жизни. Это способствовало укоренению различных настроений среди российского общества и в политическом, и в экономическом, и в социальных отношениях. Историческая память населения наряду с символами гордости (победа над фашизмом, развитие космонавтики, науки, культуры и техники) зафиксировала неприятие сталинских репрессий, отрицательные последствия «перестройки» и реформ 1990-х гг., некоторых других событий. В-третьих, современники оказались более пристрастны к советской эпохе, нежели в своих оценках исторических событий предшествующих веков. Это касается, например, таких исторических деятелей, как Ленин, и таких эпохальных событий, как российская революция 1917 г.

Социологи подчеркивают, что для старших возрастов характерна большая приверженность традиционному российскому патриотизму, тогда как более образованная часть населения, в том числе молодежь, больше склонна к положительному восприятию зарубежных жизненных стандартов.

Зачем нужно изучать «трудные вопросы»

Радикальные перемены в жизни российского общества на рубеже XX-XXI вв. наложили свой отпечаток на восприятие исторических событий прошлого. Поэтому бережное отношение к духовным ценностям, выработанным предшествующими поколениями, к исторической памяти народов России приобретает особое значение. Только научное изучение отечественной истории, очищенной от всевозможных мифов и фальсификаций, поможет подрастающим поколениям сформировать мировоззрение, способное связать настоящее с прошлым и будущим, которое им предстоит строить.

Главная цель пособия – ознакомить всех, изучающих отечественную историю, с принципиальными оценками ключевых событий XX – начала XXI в. В отличие от школьных учебников, наше пособие не содержит перечень тем, понятий, событий и персоналий. Авторы касаются этих сюжетов лишь в исключительных случаях. Например, когда сами ключевые понятия

(«революция», «гражданская война», «гражданское общество», «народ», «нация» и пр.) стали предметом исторических споров.

Основное внимание уделено так называемым «трудным вопросам», которые вызывают в обществе острые дискуссии. Как правило, рассмотрению каждой проблемы предшествует небольшой исторический очерк, позволяющий показать содержательную сторону проблемы, причины, вызвавшие споры и приверженность того или иного автора к определенной точке зрения. Именно эти аспекты исторического знания, как правило, остаются за рамками школьного исторического образования, порождают проблемы в обучении при переходе с одного уровня сложности на другой, более высокий.

Необходимость постижения «трудных вопросов» диктуется еще одной причиной – пробуждением в умах учеников способности к критическому анализу, их стремлением выйти за рамки положений учебника, нередко излагающего мнение его авторов как непреложную истину. Тексты документов, включенные в учебники как обязательный элемент, равно как и хрестоматии, расширяют школьный курс конкретным материалом первоисточников, но не дают возможности рассмотреть проблему с различных сторон. Да и сам выбор источников, предлагаемых к изучению в хрестоматиях или школьных учебниках, носит характер селекции, позволяющий лишний раз подтвердить позицию авторов этих учебников. Данный пробел, по нашему мнению, также может быть ликвидирован при знакомстве с «историей проблемы», в которой будет показано, как и почему менялись оценки важнейших событий истории России на протяжении последнего столетия.

Какие вопросы считаются «трудными» в отечественной истории XX – начала XXI века

Ответ на этот вопрос сложен и во многом зависит от того, до какой степени детализации следует изучать конкретную проблему («трудный вопрос»). Понятно, что у учителя, студента и школьника разный уровень знаний и потребностей их расширять. Авторы изложили в пособии тот объем знаний по проблеме, меньше которого невозможно в целом понять «трудный вопрос» на любом уровне.

Для XX – начала XXI в. в Концепции выделены следующие «трудные вопросы»:

1. Причины, последствия и оценка падения монархии в России, прихода к власти большевиков и их победы в Гражданской войне.
2. Причины свертывания нэпа, оценка результатов индустриализации, коллективизации и преобразований в сфере культуры.
3. Характер национальной политики большевиков и ее оценка.
4. Причины, последствия и оценка установления однопартийной диктатуры и единовластия И. В. Сталина; причины репрессий.
5. Оценка внешней политики СССР накануне и в начале Второй мировой войны.
6. Цена победы СССР в Великой Отечественной войне.
7. Оценка СССР в условиях холодной войны.
8. Причины, последствия и оценка реформ Н. С. Хрущёва.
9. Оценка периода правления Л. И. Брежнева и роли диссидентского движения.
10. Причины, последствия и оценка «перестройки» и распада СССР.
11. Оценка причин, характера и последствий экономических реформ начала 1990-х гг. («шоковая терапия», методы приватизации);
причины и последствия побед Б. Н. Ельцина в политических схватках 1990-х гг.
12. Причины, последствия и оценка стабилизации экономики и политической системы России в 2000-е гг.

Далеко не все из перечисленных «трудных вопросов» пользуются одинаковым вниманием общественности и ученых. Зачастую актуализация отдельных тем связана с юбилейными датами конкретных исторических событий или людей, в других случаях – интерес вызывается резкими политическими, экономическими или иными переменами (например, интерес к истории Крыма связан с важным событием – воссоединением в 2014 г. Крыма с Россией).

Наконец, и это, на наш взгляд, главное: если одни ученые оценивают историческое событие со знаком «плюс», а другие со знаком «минус» – значит между этими крайними оценками лежит не истина, а проблема, которая подлежит изучению. Приведем пример. Для наших современников, прошлых и будущих поколений российских граждан, всегда актуальными и дискуссионными останутся проблемы, связанные с историей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Составители Концепции из всего многообразия спорных и дискуссионных вопросов этого периода выбрали один – «цена Победы». Вопрос заключается не только в том, чтобы в школьном курсе связать ее с остальными темами, не менее важными для понимания главных факторов нашей победы в войне. Еще важнее показать, что проблема «цена Победы» не сводится к количественным характеристикам, а представляет собой главный узел, который нельзя «разрубить», а можно только «распутать» кропотливой работой историков. Поэтому авторы рассматривают свое пособие не в качестве «правильного ответа» на главные вопросы новейшей истории России, а как посильную помощь в организации учебного процесса, в формировании профессиональных компетенций педагогов, студентов и школьников в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом (ФГОС).

Периодизация истории

Уже античные авторы считали историю наставницей жизни и давали свою периодизацию исторического процесса. В XVI–XVII вв. в западноевропейских университетах было принято деление всемирной истории на древнюю (до эпохи римского императора Константина Великого – 285–337 гг.н. э.), среднюю – до падения Константинополя (1453 г.) и новую – после 1453 г. Для американских историков начальной датой новой истории стал 1492 г. – открытие Америки Х. Колумбом, а для гуманистов эпохи Возрождения исходным моментом новой истории было зарождение светской науки и культуры.

При всей условности каждой из предложенных учеными периодизаций, они помогали отразить наиболее существенные этапы развития человеческого общества и законы его развития. Известный французский мыслитель А. де Сен-Симон выделял пять больших этапов человеческой истории: 1) первобытный; 2) рабовладельческий; 3) феодально-сословный; 4) промышленный с наемным трудом (позднее названный «капитализмом»); 5) будущий этап, основанный на полном уничтожении эксплуатации человека человеком (позднее названный «социализмом»). Эта периодизация получила широкое признание.

В XIX в. получила распространение стадияльная или формационная (от слова «формация») теория К. Маркса и Ф. Энгельса, которые делили всемирную историю на ряд социально-экономических формаций в зависимости от главного способа производства (азиатский, античный, феодальный и буржуазный). Эта периодизация получила особое признание в СССР.

В последние годы одним из важнейших направлений исторической науки стал цивилизационный подход, связанный с понятием «цивилизация», которая, полагали историки, пришла на смену варварству. Считается, что каждой цивилизации присуща своя культура. Одни историки насчитывали девять «главных» и более 20 «периферийных цивилизаций»; другие считали, что человечество движется от локальных цивилизаций к единой всечеловеческой цивилизации. В настоящее время историки успешно применяют и формационный, и цивилизационный подходы к периодизации всемирной истории.

В советской России большое влияние на исторические труды оказывала идеология, выраженная в трудах К. Маркса, В. И. Ленина, И. В. Сталина. Пяти томная «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского стала первым систематическим марксистским освещением истории страны от первобытнообщинного строя до конца XIX в. Важными достижениями советской исторической науки стали 12-томная «История СССР с древнейших времен» и 10-томная «Всемирная история».

Главная особенность современной исторической науки в России – постепенный отказ от идеологических догм и штампов, новое информационное пространство, связанное с развитием Интернета, активное взаимодействие отечественных и зарубежных исторических школ.

Современная научная мысль особое место в периодизации отечественной и мировой истории отвела 1914–1921 гг., когда происходили войны и революции, изменившие прежний мировой порядок. Первая мировая война стала рубежом двух эпох и кардинально изменила политическую карту Европы. Распались четыре империи – Российская, Австро-Венгерская, Германская и Османская. Внутренний кризис поразил Россию, распространился на армию и само государство. Огромное напряжение военных лет придало кризису невиданную остроту: резко обозначились веками копившиеся в российском обществе противоречия и нерешенные проблемы. Быстрота, с которой пала царская власть, олицетворявшая внутреннее единство государства с девизом «за Веру, Царя и Отечество», привела к полной дезорганизации в стране.

Революция 1917 г. знаменовала отсчет новейшего периода истории России. Февральский этап великой революции закончился крахом либерально-демократических иллюзий, октябрьский – развернулся под знаком социалистического эксперимента в обстановке набиравшей силу Гражданской войны. Миллионы людей восприняли и поддержали идеи большевиков о социальной справедливости, ниспровержении власти господ и создании государства для трудящихся, что стало решающим фактором их победы.

Период 1920-1930-х гг. своим главным содержанием имел создание и развитие СССР и советского общества. Под руководством большевистской партии в короткие исторические сроки была построена уникальная социальная система – советское общество, созданы соответствующие экономика и культура. Строительство социализма сопровождалось огосударствлением всех сторон жизни, господством мобилизационной экономики, свертыванием демократии, ужесточением цензуры, репрессиями.

Следующий важный период – Великая Отечественная война 1941–1945 гг., являвшаяся важнейшей частью Второй мировой войны (1939–1945). Вторая мировая война носила глобальный характер: в ней участвовало 72 государства, количество мобилизованных в армии людей составило 110 млн. Основной удар принял на себя Советский Союз: события на советско-германском фронте носили самый ожесточенный и кровопролитный характер. Отечественная война была общенародной, освободительной. Вклад СССР в общую победу над фашизмом был решающим.

Итоги войны послужили мощным импульсом к развитию национально-освободительного движения во всем мире, на путь социализма вступил ряд стран Восточной Европы, Монголия, Китай, Корея, Куба. Мир разделился на два полюса, один во главе с США, другой – с СССР. Холодная война определяла их отношения.

Период с 1946 по 1991 г. стал апогеем развития Советского Союза; он имел свои внутренние этапы, связанные с послевоенным восстановлением страны, осуществленным в кратчайшие сроки; десталинизацией и оттепелью в годы правления Н. С. Хрущёва, индустриальным рывком, прорывом в космос, ростом образования и расцветом культуры. Новое политическое руководство в лице Л. И. Брежнева и его окружения, наряду с реформами в экономической сфере, взяло курс на консервацию многих отживших элементов советской системы, которая постепенно перестала динамично развиваться. Советский Союз превратился в сверхдержаву, но тяжелый груз внешних проблем и постоянное нарастание внутренних противоречий обусло-

вили смену политического курса страны, вошедшую в историю под названием «перестройка». Новому руководству страны, возглавляемому М. С. Горбачёвым, при проведении коренных реформ в политической, идеологической и экономической областях не удалось сохранить контроль центральной власти над регионами и союзными республиками. Распад союзного государства стал следствием системного кризиса, переживаемого страной. Образовалось Содружество Независимых Государств.

В 1992 г. начался новый современный период отечественной истории, связанный с радикальными реформами президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина и стабилизационной политикой нового президента В. В. Путина. В результате Россия смогла преодолеть затяжной кризис и встать в ряд ведущих мировых держав.

Особенности источников советской эпохи

Советская эпоха наложила отпечаток на источники XX в. Во время мировых катаклизмов (войн и революцией) многие события не оставили подтверждений; немало документов было уничтожено во время массовых репрессий или в ходе острой политической борьбы.

Делопроизводство всех учреждений СССР – партийных, советских, государственных и даже общественных – содержало две части: общую и секретную. В первую помещались менее значимые документы, во вторую – самые важные, доступ к которым имел узкий круг руководителей. Секретные документы публикации не подлежали, поэтому документы официальных изданий – законодательные, партийные, судебные, статистические и другие – в полной мере никогда не отражали действительной картины жизни страны.

С самого начала советская власть взяла под полный государственный контроль все архивы, включая документы частных (личных) архивов, в которых также действовал режим секретности. Поэтому важнейшие документы, характеризующие многие стороны жизни советского общества, оказались для ученых недоступны для изучения. Отсутствие важных документов и идеологический диктат отрицательно сказались на трудах советских историков.

Это положение начало кардинально меняться в конце 1980-х гг. в ходе так называемой «архивной революции», когда стала осуществляться государственная программа рассекречивания архивных документов и их публикация в научных и общественных журналах.

Тема 1

Россия в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)

Вступление России в войну. Боевые действия и положение в тылу (1914–1916 гг.)

Начало войны и российское общество. Военно-экономический потенциал России, стратегические планы российского командования

Предпосылки Первой мировой войны сформировались в результате глобальных территориальных и экономических противоречий. Одной из наиболее активных стран, заинтересованных в «переделе уже поделенного мира», являлась Германская империя, претендовавшая на ведущую роль не только на Европейском континенте, но и, впоследствии, во всем мире. Эти намерения не могли не столкнуться с интересами противников Германии на Западе и Востоке – с Англией, Францией и Россией. Неизбежность будущих военных конфликтов стала главной причиной создания военно-политических блоков – Тройственного Союза (в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии) и Антанты (в составе Англии, Франции и России). В случае угрозы одной из стран-участниц блоков, остальные должны были оказать ей помощь, в том числе и военную. Наибольшее значение в системе Антанты имел франко-русский договор, основанный на обязательной обоюдной военной поддержке. 15 (28) июня 1914 г. австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга были убиты в Сараево. «Выстрел в Сараево» стал толчком к масштабной войне. Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Россия, верная долгу перед «братьями-славянами», приступила к мобилизации своих сил на границе с Империей Габсбургов.

В настоящее время известна значительная часть документальных материалов, связанных с началом войны и вступлением в войну Российской империи. После прошедшего в 2014 г. столетнего юбилея начала войны в научный оборот введено много новых источников.

Но есть несколько дискуссионных моментов, которые необходимо учитывать при объяснении темы. Это относится, например, к проблеме предотвращения возможности вступления России в войну. Можно ли было избежать кровопролития, той «бойни», которая, по оценке многих историков и публицистов «похоронила Старую Европу»? Чтобы доказать гибельность войны для России, нередко используются доводы, содержащиеся в так называемой записке Дурново – документе частного характера, отправленном Николаю II за полгода до начала военных действий. Названный «российским Нострадамусом» автор, как считают многие, предвидел наступление революционных событий 1917 г.: «В случае неудачи, возможность которой при борьбе с таким противником как Германия нельзя не предвидеть, социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна... Начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная против него кампания, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги... Законодательные учреждения и лишены действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдерживать расхажившие народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению...». «Жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства этих двух государств. Будущее Германии – на морях, то есть там, где у России, по

существу наиболее континентальной из всех великих держав, нет никаких интересов... Россия и Германия являются представительницами и консервативного начала в цивилизованном мире, противоположного началу демократическому, воплощаемому Англией и... Францией... Борьба между Россией и Германией, независимо от ее исхода, глубоко нежелательна для обеих сторон, как несомненно сводящаяся к ослаблению мирового консервативного начала...».

При всей обоснованности многих положений записки, ее «пророческом характере», необходимо учитывать два принципиальных момента. Прежде всего, «записка» принадлежала лицу, не имевшему в 1914 г. официального статуса в системе управления Империи (Петр Николаевич Дурново занимал должность министра внутренних дел в кабинете С. Ю. Витте в 1905–1906 гг.), и не могла расцениваться как некая официальная декларация, требующая ответа. Во-вторых, сам же

Дурново в конце своей «записки» делал очень важное замечание: «Само собой разумеется, что и Германия должна пойти навстречу нашим стремлениям и восстановить испытанные дружественные, союзные с ней отношения».

А именно этого «само собой разумеющегося» стремления Германии к миру, к «восстановлению союзных отношений» – увы, не наблюдалось. Стремление к военному противостоянию со «славянским миром», отрицание боеготовности Франции и пренебрежительное мнение о позиции Англии, к сожалению, отличало правящие круги Кайзеровской Германии в начале XX столетия. Говорить о мире, о возможностях компромиссов, в таких условиях не приходилось. В международной правовой практике до настоящего времени достаточно определенно формулируется понятие страны агрессора, начинающей непосредственные боевые действия с объявлением войны или без таковой. Именно это определение правомерно и уместно употреблять при объяснении степени «вины» в возникновении Первой мировой войны. Целесообразно, в этой связи, привести слова статс-секретаря германского МИДа фон Ягова в его письме в германское посольство в Лондон в июле 1914 г., накануне войны: «В основном Россия сейчас к войне не готова. Франция и Англия также не захотят сейчас войны. Через несколько лет... Россия уже будет боеспособна. Тогда она задавит нас количеством своих солдат; ее Балтийский флот и стратегические железные дороги уже будут построены. Наша же группа (Тройственный Союз. – В. Ц.), между тем, все более слабеет... В России это хорошо знают и поэтому хотят еще на несколько лет покоя... Россия сейчас не хочет войны с нами».

Примечательна реакция России и Сербии на известия об убийстве наследника Австро-Венгерского престола. Никаких проявлений радости, ярко выраженных антиавстрийских настроений по поводу трагической гибели не было. Напротив. По официальным каналам незамедлительно были отправлены телеграммы с соболезнованиями и пожеланиями скорейшего наказания виновных. В сербском посольстве в Вене был объявлен траур. Сербскому королю Александру были даны указания из Петербурга о максимально возможных уступках австрийской стороне.

Но шансов на мирное разрешение конфликта оставалось мало. Австро-Венгрия была настроена на эскалацию военных приготовлений. Становилось очевидным, что Германия не только не останется в стороне от своего партнера по Тройственному Союзу, но и будет всячески заинтересована в доведении *casus belli* («повода к войне») до логического конца.

Можно ли было, в этой ситуации, ограничиться рамками австросербского конфликта? Учитывая, что еще в 1909–1910 гг., во время Боснийского кризиса Российская империя не исключала возможности военного вмешательства в защиту Сербии и также готовила к мобилизации военные округа на западной границе, подобную перспективу нельзя было исключать. В данном случае уже сам факт мобилизации с высокой вероятностью объявления войны мог бы предотвратить вероятную угрозу широкомасштабных военных действий.

Во время объяснения материала необходимо отметить весьма важную роль не только объективных предпосылок, вызвавших масштабную европейскую, а затем мировую войну, но

и отсутствие сколько-нибудь эффективной системы предотвращения войны. Поэтому подготовка к войне, как бы нелогичным это не представлялось, могла стать сдерживающим фактором агрессии.

В ряде работ встречается утверждение о том, что ответственность за вступление в войну лежит не столько на самом Николае II, сколько на его ближайшем окружении. Подобная оценка существенно принижает государственный статус последнего российского императора, снижает его волевые качества как лидера и, будучи повторена в отношении других его решений и поступков (например, при подписании Манифеста 17 октября 1905 г., при отречении от престола) низводит его до роли марионетки в руках опытных интриганов из числа знати. Но следует помнить (это подтверждается свидетельствами современников): император, хотя и выслушивал многочисленные мнения своих родственников, советников и подданных, окончательные решения принимал самостоятельно.

Действительно, не соглашаясь, первоначально, с мнением тех военных, кто настаивал на немедленной всеобщей мобилизации, Николай II стремился ограничиться лишь частичной мобилизацией пограничных с Австро-Венгрией военных округов. Однако сторонниками решительных действий были министр иностранных дел С. Д. Сазонов, военный министр В. А. Сухомлинов и, пользующийся заметным влиянием в кабинете министров, главноуправляющий земледелием А. В. Кривошеин. Они стремились убедить Николая II в необходимости объявления всеобщей мобилизации, оправдывая ее сложностью технических условий, медленностью развертывания армий у границы. В результате под их давлением 17 (30) июля была объявлена всеобщая мобилизация.

18 (31) июля посол Германии, граф Пурталес, потребовал от Сазонова прекращения мобилизации в течение 12 часов. Ответа на немецкий ультиматум не последовало и вечером 19 июля (1 августа) 1914 г. Пурталес заявил об объявлении войны Германией России. 21 июля (3 августа) Германия объявила войну Франции, а 22 июля (4 августа) немецкие войска вторглись на территорию нейтральной Бельгии, рассчитывая обойти (согласно плану фельдмаршала Мольтке) укрепления на франко-германской границе. В тот же день Англия потребовала от немецкого правительства не нарушать нейтралитета Бельгии, но, не имея ответа от кайзера, объявила войну Германии. Так началась Первая мировая война.

Никоим образом не оправдывая войну как форму разрешения международных конфликтов, следует помнить, что в сложившихся условиях она оказалась неизбежной. В России войну сразу же назвали Второй Отечественной (первой считалась война с Наполеоном в 1812 г.). Нельзя не отметить сильный патриотический подъем. По решению городской думы Петербург был переименован в Петроград. Толпы народа приветствовали вышедшего на балкон Зимнего дворца Николая II, объявившего о начале войны. В городах прошли многотысячные патриотические демонстрации с иконами и портретами Государя, под национальными флагами, с пением «Боже, царя храни». Повсеместно проходили патриотические молебны о «даровании победы русскому оружию». Не вызвали недовольства и введение правительством «сухого закона» и призывы сдавать «золотые рубли» в государственные кассы.

Примечательно, что сам император расценивал свое решение о начале войны как выражение особой исторической миссии России по «защите славянства». Немало способствовал росту патриотизма и акцент официальной пропаганды на том, что именно Германия и Австро-Венгрия оказались агрессорами по отношению к России, а не наоборот. В своем Манифесте о начале войны Николай II почти дословно повторил слова аналогичного Манифеста императора Александра I по поводу войны с наполеоновской Францией в 1812 г.: «Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли Нашей».

Не было конфликтов и с представительными органами власти. Председатель Думы М. В. Родзянко подтвердил готовность российского «Парламента» к поддержке исполнительной

власти: «Держайте, Государь! Русский народ с вами, и, твердо уповая на милость Божию, не остановится ни перед какими жертвами, пока враг не будет сломлен и достоинство России не будет ограждено». Государственная Дума одобрила военные кредиты. Обращение председателя Совета министров И. Л. Горемыкина к сплочению вокруг Престола встретило ответное заявление кадетского лидера П. Н. Милюкова: «В этой борьбе мы все заодно. Мы не ставим условий и требований правительству, мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильника».

Действительно, летом 1914 г. многим казалось, что острые социальные противоречия, конфликты между министрами, различными политическими партиями, Царем и Думой будут надолго забыты перед лицом грозной военной опасности. И лишь небольшие, в то время, структуры большевистской партии, а также меньшевиков-интернационалистов и эсеров-максималистов выступили за «поражение буржуазии» в «империалистической войне».

Однако следует отметить, что военно-промышленный потенциал России был еще недостаточен для быстрого и победоносного окончания войны. По оценке военного историка А. Зайончковского накануне войны «Россия... сделала большой шаг вперед в смысле улучшения своего военного могущества». Неоднократно отмечалась высокая степень готовности России к войне среди участников войны, оказавшихся в Зарубежье. Так, например, в журнале «Военная быль», вышедшем в Париже в 1966 г. была опубликована статья, содержащая длинный перечень достижений российской военной промышленности, армии и флота накануне Первой мировой войны. Среди 56 пунктов были такие: «... Введена защитная форма одежды в военное время, реорганизованы военные заводы, улучшено производство по изготовлению вооружения и снаряжения, с уменьшением количества брака до 2,5 %, введена остроконечная пуля, увеличившая дистанцию прямого выстрела с 400 до 600 шагов, как, равно, и дальность полета пули – до 3.200 шагов, сформированы при пехотных и кавалерийских полках пулеметные команды с улучшенной системой пулеметов Максима (взамен прежних пулеметных дивизионных рот), создан новый род оружия – воздухоплавательные и авиационные отряды, закончено перевооружение артиллерии скорострельными пушками, расширена программа в кадетских корпусах и юнкерских (с незаконченным средним образованием) училищах, изданы новые воинские уставы по всем отраслям военного дела с применением опыта японской кампании, увеличено жалование офицерам и солдатам».

Росту патриотизма российского общества в последние предвоенные годы немало способствовало широкомасштабное проведение исторических торжеств, приуроченных к юбилейным датам, прямо или косвенно связанным с военно-политическими успехами Российского государства. Празднование исторических юбилеев (таких как 200-летие Полтавского сражения в 1909 г., 100-летие Отечественной войны с Наполеоном в 1912 г., 300-летие освобождения Москвы от польских интервентов и установление династии Романовых в 1913 г., 200-летие морской победы у мыса Гангут в 1914 г., безусловно, способствовало росту патриотизма, причем не только у «образованной части» общества, но и в его широкой массе. Появлялась уверенность в своих силах, вера в необходимость следования победоносным заветам русского воинства в новых условиях. Усиление национального патриотизма всегда имело важнейшее значение и в период, предшествовавший военным испытаниям и, особенно, во время войны.

И все же идеологическую подготовку к предстоящей войне нельзя было бы считать вполне достаточной. В отличие от Германии и Австро-Венгрии массовому патриотическому воспитанию, пропаганде целей и задач военных действий не уделялось должного внимания. По свидетельству генерала от кавалерии А. А. Брусилова «солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия не имел о своей матушке России. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию, знал, что есть Петербург и Москва, и на этом заканчивалось его знакомство со своим Отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к Великой Родине?!...». В результате в самой многочисленной из всех воюющих армий, дости-

гавшей к 1917 г. уже пяти миллионов человек, не хватало сознательной дисциплины, веры в победу.

Также, несмотря на стабильность бюджета и отсутствие инфляции, стремительный экономический рост и оснащение армии новейшими образцами военной техники, общий объем производства боеприпасов и вооружения не был рассчитан на длительное время ведения военных действий. Не хватало тяжелой артиллерии. Программа перевооружения военно-морских сил не была завершена. Проект модернизации флота, утвержденный в апреле 1911 г., предполагал создание крупных соединений современных линкоров-дредноутов, вооруженных двенадцатью 305-мм орудиями, а также флотилий подводных лодок, но сделать это предполагалось лишь к 1917 г. Серьезные проблемы существовали также в области вооружения и обеспечения сухопутных сил.

Сеть железных дорог была явно недостаточной для усиленного подвоза боеприпасов и подкреплений к западной границе. Заводы Петроградского района, работавшие на привозном «кардиффе» – британском угле, стали испытывать трудности сразу же после того, как движение транспортов по Балтийскому морю прекратилось. И хотя к началу боевых действий русская армия, насчитывавшая 3,5 млн человек, была грозной силой для своих противников, ее окончательная модернизация еще не завершилась.

Верховным главнокомандующим стал дядя императора – генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич Романов. Он был популярен в войсках, стремился быть «близким к солдатам». В то же время был не чужд политических интриг. Часто выезжал на фронт, принимал рапорты и доклады, вручал награды отличившимся. В 1905–1914 гг. занимал должность Главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа и возглавлял Совет государственной обороны (в 1905–1908 гг.).

В ряде изданий по истории Первой мировой войны утверждается, что великий князь не обладал военными способностями. Аналогичное мнение высказывается и в отношении преемника Николая Николаевича в должности Главковерха – Николая II. Однако не стоит, очевидно, измерять степень военных талантов исключительно личным успешным боевым опытом. Не менее важно (это подтвердили события Гражданской и Великой Отечественной войн) правильно подобрать сотрудников штаба, тех, кто будет вести повседневную, «черновую» работу по подготовке и проведению боевых операций. В 1914–1916 гг. штабная деятельность значительно усложнилась и уже не могла вестись отдельными более или менее «выдающимися» военными, требовала высокого уровня подготовки от всех сотрудников штаба. Не менее важным становилось и обеспечение эффективного взаимодействия между Ставкой и командованием фронтами. Поэтому, говоря о полководческих талантах конкретного Главковерха, никоим образом нельзя забывать и о его сотрудниках.

Начальник штаба Главковерха генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич не имел должного опыта стратегического планирования. Следует отметить отсутствие на момент начала войны завершенного плана стратегических операций. Существовавшие на тот момент планы исходили из вероятности ведения войны против Австро-Венгрии и Германии одновременно. Еще в 1912 г. обсуждалась возможность нанесения главного удара по Австро-Венгрии, для чего следовало сосредоточить все силы Киевского и Одесского округов на границе и, если противник, воспользовавшись незавершенностью мобилизационного развертывания, первым начнет наступление на российскую территорию, то нанести сильный контрудар, перенося военные действия на территорию Галиции и Буковины. Эти планы были изложены будущим начальником штаба Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенантом М.В. Алексеевым в докладе «Общий план войны». В нем Алексеев критически оценивал официальный план, принятый в 1910 г. военным министром, генералом от кавалерии В. А. Сухомлиновым.

Длительное время Сухомлинова принято было считать одним из главных виновников поражений русской армии в 1914–1915 гг., ее недостаточной подготовки к войне. Предполагалось также, что военный министр был связан с германской разведкой и передавал ей сведения стратегического характера. В настоящее время, напротив, нередко утверждается, что министр ни в чем не виновен, а все недостатки в подготовке русской армии к войне – следствие ошибок Российского Генерального штаба.

Но правильнее говорить, очевидно, не о намеренном стремлении нанести вред обороноспособности России, но о недостаточном понимании военным министром специфики будущих боевых операций. В частности, исходя из того, что русская армия совместно с французскими и английскими союзниками сможет достаточно быстро разгромить германо-австрийские войска и перейти в контрнаступление на Вену и Берлин, военный министр считал переоснащение крепостей по р. Висле и строительство новых крепостных районов нецелесообразным. Артиллерийские резервы создавались с расчетом на скорое окончание войны.

В «министерском» стратегическом плане, исходя, прежде всего, из соображений «союзнического долга» перед Францией, подчеркивалась необходимость нанесения главного удара по Германии. Поэтому близ российско-германских границ в Восточной Пруссии разворачивалось 19 армейских корпусов, а против австрийцев предполагалось направить только 9. Алексеев же исходил из того, что «в первый период войны России следует наносить главный удар Австро-Венгрии, назначая для этого возможно большие силы и предлагая перенесение «акцента» с Восточно-Прусского на Галицийский театр военных действий. Что же касается Австро-Венгрии, то в ее интересах, по убеждению Алексеева, – захватить инициативу на Восточном фронте, попытаться предупредить развертывание сил русской армии. Кроме того, австрийское командование будет стремиться подорвать ближайший русский тыл, используя антирусские настроения местных сепаратистов и поддерживая идеи «самостийной Украины». В свою очередь российское командование должно использовать стремление славянских народов, находящихся в составе Империи Габсбургов, к обретению национальной независимости. Последующие события подтвердили правильность данных прогнозов.

Поскольку окончательного плана операций выработано не было, то это сказалось на начальном этапе войны. В то же время нельзя не отметить, что наличие оперативных разработок по двум, потенциально наиболее опасным регионам (Восточной Пруссии и Галиции) свидетельствует о готовности русской армии к широкомасштабным операциям, к стремлению военного руководства учесть все наиболее опасные направления, по которым будут развиваться боевые действия.

Начало боевых действий. Восточно-Прусская операция, Галицийская битва

Стремительное наступление немецких войск на Париж (немецкий Генштаб наносил удар по Франции через территорию нейтральной Бельгии, открыто игнорируя нормы международного права) вызвало настойчивые требования к России со стороны французских «союзников» нанести удар, отвлекающий значительную часть немецких сил на Восточный фронт. Российское командование откликнулось на этот призыв французов и двинуло в Восточную Пруссию две армии. 1-й армией командовал генерал от кавалерии П. К. Ренненкампф, во главе 2-й армии стоял генерал от кавалерии А. В. Самсонов.

В первые же дни после начала войны армия Ренненкампфа перешла границу Восточной Пруссии и разбила немецкие войска во встречном бою у Гумбинена. Однако несогласованность действий командования обеих армий, отсутствие налаженных тыловых коммуникаций и связи, плохое снабжение боеприпасами и продовольствием привели к тому, что против ослабленной длительными переходами 2-й армии немецкое командование сосредоточило превосходящие силы и 13–14 (26–27) августа нанесло ей поражение в сражении под Танненбергом.

Генерал Самсонов застрелился, а армия Ренненкампа отступила к границе, не оказав поддержки своим соседям. Восточно-Прусская операция завершилась неудачей, потери русской армии составили 250 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. Тем не менее Восточно-Прусская операция позволила ослабить немецкое наступление на Западном фронте, во время «битвы на Марне». С Западного фронта на Восточный были переброшены немецкие корпуса, и «Париж был спасен».

С историей Восточно-Прусской операции связано несколько спорных вопросов. Отмечается, например, что наступление в Восточной Пруссии было абсолютно бессмысленно и бесперспективно для России и было связано исключительно со «спасением Франции». Есть также мнение, что переброска всего лишь двух корпусов на Восточный фронт не означала существенной помощи французской армии, и потери русских войск не оправдались. Рассматривая эти проблемы, следует учитывать, что, во-первых, наступление на Германию было невозможно без ликвидации так называемого восточно-пруссского балкона, как называл его генерал-квартирмейстер штаба Главковерха Ю.Н. Данилов, «нависавшего» над российскими тылами в Польше. Во-вторых, переброска немецких корпусов, хотя и не изменила серьезно общее соотношение сил Германии и Франции во время битвы на Марне, но существенно ослабила давление немецких войск на наиболее опасном для французской обороны участке. Иное дело, что сама по себе Восточно-Прусская операция проводилась без должной координации действий между армиями, были допущены существенные тактические ошибки (недостаточная роль конной разведки, телеграфные переговоры открытым текстом, неоправданный перерасход артиллерийских снарядов и др.), преувеличенное значение придавалось численному превосходству русских войск над противником.

В ряде публицистических работ содержится также оценка причины неудачи русской армии, как прямого следствия персонального конфликта между генералами Ренненкампом и Самсоновым (в 1970-е гг. эта версия была творчески изложена в исторической миниатюре В. Пикуля «Зато Париж был спасен»). Но подобная версия не имеет под собой фактического основания и относится к числу популярных исторических легенд.

В это же время на другом участке Восточного фронта – в Галиции – русские войска добились значительных успехов. Австро-венгерские войска первыми начали здесь наступательные действия. Австрийское командование предполагало, разгромив русские армии у Люблина и Холма, развернуть дальнейшее наступление на территории Польши. В свою очередь, немецкие войска, наступая навстречу австрийцам, должны были сомкнуть окружение, захватить переправы через Вислу. В получавшийся таким образом «польский мешок» попали бы значительные силы Северо-Западного и Юго-Западного фронтов.

Началась знаменитая Галицийская битва, ставшая главным сражением кампании 1914 г. на Восточном фронте. Намеченного окружения русских войск не состоялось. Части 5-й армии, составлявшие основу правого фланга Юго-Западного фронта, вышли из под ударов австро-венгерской армии, а немцы не начали наступления вглубь Польши, а оказались втянутыми в ожесточенные бои в Восточной Пруссии. Хотя Восточно-Прусская операция завершилась поражением русских войск, первоначальный план совместного удара австро-немецких сил был сорван. После этого предполагалось уже опрокинуть также левый фланг австро-венгерских войск, отбросить их от Люблина и перейти в общее фронтальное наступление на Галицию, в Прикарпатье. Сложившееся положение грозило противнику полным окружением. Удары левофланговых армий Юго-Западного фронта на Галич и Львов оказались сокрушительными и неожиданными для австрийского командования.

Особое значение придавалось наступательным действиям 8-й армии генерала Брусилова. 21 (3 сентября) августа 1914 г. пал Львов. Австро-венгерские войска оказались не только отброшенными за пределы российской границы, но и оставили почти всю Галицию и Волынь.

Была окружена мощная крепость Перемышль, являвшаяся узловым оборонительным пунктом австро-венгерского фронта. Потребовалась переброска подкреплений и резервов из других районов, в частности, с Балканского театра, что существенно облегчало положение сербской армии.

Начались военные действия и на Кавказе. 20 (2 ноября) октября 1914 г. Россия объявила войну Османской империи. Кавказская армия, сформированная на базе Кавказского военного округа должна была принять на себя основную тяжесть боевых действий. Кавказский наместник генерал И. И. Воронцов-Дашков стал Главнокомандующим, его помощником и фактическим командующим – генерал от инфантерии А.З. Мышлаевский, начальником штаба – генерал-лейтенант Н. Н. Юденич. Имя генерала Юденича в школьной учебной практике до сих пор ассоциируется исключительно с неудачным наступлением Северо-Западной белой армии на Петроград осенью 1919 г. При этом из внимания уходит весьма значимый период его биографии, когда он, будучи фактическим руководителем операций Кавказского фронта, добился крупных военных успехов, не только предотвратив угрозу вторжения турецких войск в Грузию, но и занял российскими войсками большую часть Турецкой Армении, получив за взятие штурмом крепости Эрзерум последний в дореволюционной военной истории орден Св. Георгия 2-й степени. Следует отметить, что известная «армянская резня», геноцид армянского населения турецкими войсками был осуществлен после распада Кавказского фронта и отхода русских войск в 1918 г. Во время Первой мировой войны Юденич активно поддерживал инициативы по созданию армянского ополчения.

Осенью 1914 г. турецкая армия под командованием молодого и талантливого военачальника, прошедшего школу немецкого Генштаба, Энвер-паши стремилась захватить центры Армении – Карс и Эривань, рассчитывая впоследствии выйти к Грузии и Азербайджану. Турецкая разведка активно использовала контакты с азербайджанскими и горскими сепаратистами. Перешедшие в декабре 1914 г. границу турецкие дивизии быстро вышли на линию Карс – Ардаган. Кавказская армия попала в сложное положение под Сарыкамышем. Воронцов-Дашков приказал генералу Юденичу взять под контроль обстановку вокруг Сарыкамышского отряда. Исходя из того, что отступление в условиях окружения, отсутствия коммуникаций, суровой зимы приведет к разгрому, Юденич решил оборонять Сарыкамыш. Приняв на себя командование Сарыкамышским отрядом, он сосредоточил все усилия на подготовке контрудара. Накануне Рождества русский гарнизон мощным ударом прорвал блокаду, практически полностью разгромив при этом части 9-го турецкого корпуса. Угроза для российского Закавказья была ликвидирована.

В последнее время в исторической публицистике нередко приводится оценка войны на Кавказе, как войны начатой «агрессивной» Россией с целью захвата Черноморских проливов и даже «ликвидации Турции как государства». Главными аргументами, на которые опирается данная оценка, являются: нежелание руководства Османской империи вступать в войну и формальный акт объявления войны Турции Россией. Нужно критически относиться к подобного рода обоснованиям. Действительно, в 1914 г. визирь Джемаль-паша сочувствовал Антанте и был против того, чтобы Турция вступала в войну. Его поддерживала часть придворных и министров. Но нельзя забывать и о том, что не менее влиятельная часть министров и придворных, в том числе и глава младотурецкой партии Энвер-паша, были сторонниками сближения с Германией и условием сотрудничества с Россией ставили ее содействие территориальным претензиям Турции на болгарские земли во Фракии и греческие Эгейские острова. Не менее откровенными были территориальные притязания Османской империи на земли, населенные мусульманскими народами в составе Российской империи. Предполагалось их объединить под знаменем «исламского халифата». Но главным фактором, спровоцировавшим войну, стали откровенно авантюрные, не согласованные с турецким правительством действия немецких рейдеров – крейсеров «Гебен» и «Бреслау». Действуя под турецкими флагами, эти корабли,

по приказу командующего турецким флотом, немецкого адмирала Сушона, без объявления войны потопили в Одесском порту канонерку «Донец» и бомбардировали Севастополь, Феодосию и Новороссийск. В ответ на подобные провокации Россия была вынуждена объявить войну Османской империи. Германия втянула Турцию в войну и рассчитывала на удачные военные действия на Кавказе. Однако расчеты германо-турецкого командования не оправдались.

В связи с боевыми действиями на Кавказе и Черном море необходимо осветить еще одну важную военно-политическую проблему истории Первой мировой войны – вопрос о статусе Черноморских проливов – Босфора и Дарданелл. Известно, что обладание проливами – «восстановление Православного Креста над Святой Софией», центром древнего Константинополя, было заветной мечтой многих российских славянофилов. Помимо этого нельзя не учитывать, что обладание северным побережьем Черного моря еще не открывало «ворота» в Средиземноморье и не позволяло вести «выгодную торговлю» производителям товарного зерна с Юга России.

Начало войны с Османской империей предполагало перспективу развития боевых действий на Балканах и в Малой Азии, а также занятие проливов. Николай II и глава МИД С. Д. Сазонов активно добивались того, чтобы со стороны Антанты было закреплено за Россией право на «обладание Босфором и Дарданеллами».

Существует мнение, что даже в случае победоносного завершения войны проливы ни в коем случае не были бы переданы России, поскольку это не только ослабляло Турцию, но и было весьма невыгодно для Британской империи, опасавшейся утверждения российского влияния в Средиземноморье. Однако при этом нужно учитывать следующие факторы. В 1915 г. союзники предприняли попытку завладеть проливом Дарданеллы и развить наступление на турецкую столицу с полуострова Галлиполи. Россию в этой операции представлял переведенный с Тихого океана крейсер «Аскольд». Но англо-французская десантная операция провалилась, и теперь вся тяжесть и вся слава «освобождения Великого храма Святой Софии» предстояла Русской армии и Черноморскому флоту. После неудачи Дарданелльской операции в планы Антанты уже не входило проведение десантов, а главные сражения войны разворачивались теперь, по мнению союзников, на Сомме, в Шампани и под Верденом. Русский посланник в Сербии, известный философ князь Г. Н. Трубецкой (именно он предполагался к назначению на должность Верховного комиссара при объединенном франко-англо-русском управлении Константинополя), объяснял в докладной записке на имя последнего главы российского императорского МИДа Н. Н. Покровского, что «неудача экспедиции объединенного флота в Дарданеллах была выгодна России», поскольку «давала нам возможность отказаться от кондоминиума в Константинополе» и единолично управлять проливами.

Англия и Франция действительно не спешили официально оформить будущий статус проливов. Но дипломатические усилия Сазонова не пропали даром. Заявив о возможности своей замены на посту главы МИД приверженцем «старой системы союза трех императоров» (косвенно это означало перспективу заключения Россией сепаратного мира с Германией), он добился требуемого ответа. Дипломатические гарантии Российской империи были даны в соответствии с условиями трехстороннего (русско-англо-французского) договора 1915 г., объявлявшего права России на проливы и прилегающие к ним территории. Прочность российской позиции обеспечивалась телеграммой Сазонова, составленной при участии посла Великобритании в России Дж. Бьюкенена и направленной российским послом в Лондоне и Париже 17 (30) марта 1915 г. Именно она должна была стать основой для заключения любых последующих соглашений относительно статуса Босфора и Дарданелл. В тексте этой телеграммы говорилось: «Ход последних событий привел Е.В. Императора Николая II к убеждению, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть окончательно решен в смысле вековых стремлений России. Всякое его разрешение, которое не включало бы в состав Русской Империи города Константинополя, западного берега Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а равно и южной

Фракии по черте Энос – Мидия, было бы неудовлетворительно. Подобным же образом, по стратегическим соображениям, часть Азиатского побережья, заключающаяся между Босфором и рекой Сакарией... острова Имброс и Тенедос должны будут присоединиться к Империи. Специальные интересы Великобритании и Франции в означенной области будут строго соблюдены». Подписание соглашения стало для Николая II, по воспоминаниям Сазонова, «счастливым днем» его жизни.

Даже если предположить некий послевоенный «шантаж» со стороны Англии и Франции, не желавших перехода проливов под юрисдикцию России, то ведь и у Николая II имелась реальная возможность «заставить» союзников считаться с продекларированными обязательствами. Дело в том, что в 1915–1916 гг., в результате успешных действий казаков корпуса генерала от кавалерии Н. Н. Баратова, под контроль русской армии перешла значительная область Северной Месопотамии, а именно на эту территорию претендовали англичане после окончания войны в соответствии с заключенным трехсторонним договором 1915 г. Можно предположить, что в случае противодействия российским правам на проливы, Николай II вполне мог бы оставить под российским контролем большую часть Ирана, вплоть до Персидского залива.

1915-й год на Восточном фронте. Победы и поражения

Самой серьезной темой при обсуждении военной истории 1915 г. может стать проблема перспектив развития наступления русских войск. Возможен ли был удар на Берлин и Вену после удачно завершенной Галицийской битвы и успешно отбитых осенью 1914 г. попыток противника выйти к рубежу р. Вислы и к Варшаве? Или следует считать подобные перспективы нереальными? Заметную роль в оценке данных проблем могут играть вопросы технической подготовки русской армии к ведению длительной, затяжной кампании. Вопросы «снарядного голода», «патронного голода» получают существенное значение при обсуждении тематики Первой мировой войны вообще и положения на Восточном фронте в частности.

Анализируя военно-стратегические возможности русской армии, следует отметить, что линия Восточного фронта в первые месяцы 1915 г. представляла серьезную угрозу, как для Германии, так и для Австро-Венгрии. Прочные позиции занимали русские войска Северо-Западного фронта по отношению к Восточной Пруссии. В начале 1915 г. наступление Юго-Западного фронта успешно продолжалось. Был окружен и 9 (22) марта капитулировал гарнизон крепости Перемышль, сильнейшего укрепленного пункта австро-венгерской армии в Галиции. При разработке стратегического плана на 1915 г. командование Юго-Западного фронта отстаивало перед Ставкой необходимость дальнейшего развития наступления против Австро-Венгрии. Считалось, что, выведя главного союзника Германии из войны, добившись разрешения геополитических планов Российской империи на Балканах и в центре Европы, легче будет разгромить и немецкие силы: «Путь на Берлин лежит не через Восточную Пруссию, а через Вену».

Но нельзя не отметить, что в декабре 1914 г. все более очевидной становилась перспектива неизбежного перехода к позиционной войне и отказа от активных боевых действий. Война затягивалась, а в условиях ощущавшейся нехватки боеприпасов и личного состава это угрожало срывом всей стратегии, не предусматривавшей продолжительных боевых действий.

Таким образом, тактические и стратегические успехи, достигнутые к началу 1915 г. могли полностью «сойти на нет» из-за проблем с недостаточной технической оснащенностью, недостатками мобилизационных ресурсов русской армии. Ведь уже в начале 1915 г. проявились грозные признаки предстоящего «снарядного голода» и «патронного голода», а кадровые ресурсы армии существенно истощались. Но нужно помнить, что подобного рода проблемы были и у других армий, поскольку масштабы затрат боевых ресурсов не соответствовали предвоенным стратегическим и тактическим расчетам. Достаточно объективны, в этом отношении,

оценки, даваемые в статье В. Хитрово «Артиллерия в Великую войну», опубликованной в 1939 г. в Париже, в газете «Русский инвалид» (юбилейный номер к 25-летию начала Первой мировой войны): «Ни одно из воюющих государств не имело (да и не могло иметь) заготовленного в мирное время количества снарядов, в какой-либо мере отвечающего действительной потребности армии. Но для того, чтобы меры эти приняты были с первых же дней войны, нужно было отказаться от психоза войны скоротечной. Поскольку в августе 1914 г., во всех решительно странах господствовало убеждение, что война не может продолжаться годами, принятые с опозданием меры по мобилизации промышленности свелись к гонке в этой области, в которой России труднее всего было состязаться со своими противниками, и снарядный голод 1915 г. стал фатально неизбежен.

Вопрос «питания» снарядами наших 3-дюймовых полевых и горных пушек представляется в следующем виде. Исходя из опыта Русско-японской войны, в течение которой израсходовано было по 720 выстрелов на орудие, в мирное время заготовлено было по 1000 выстрелов на орудие, причем считалось, что количества этого должно хватить на год. Часть (428 выстрелов) составляла возимый запас, который находился в непосредственном распоряжении войсковых начальников, остальное же хранилось в разобранном виде в местных парках и должно было подаваться на фронт по мере приведения в готовность. Подача снарядов из парков рассчитана была на год, в течение которого заводы должны были изготовлять новые 1000 снарядов на орудие, и таким образом считалось обеспеченным непрерывное «питание» артиллерии. Однако все эти расчеты были опрокинуты при столкновении с действительностью, и уже в начале сентября 1914 г. Ставка, основываясь на опыте Галицийской битвы, установила ежемесячную потребность армии в 1 500000 снарядов; весной 1915 г. подняла ее до 1 750000, а летом 1915 г. – до 3000000».

Можно добавить к этому и еще одну причину военных недостатков. Во время операций в Восточной Пруссии, в Галиции старшие военачальники неоднократно обращали внимание на неадекватный боевой обстановке расход снарядов. Нередко артиллеристы расстреливали боезапас орудия, руководствуясь не столько боевой необходимостью, сколько стремлением произвести впечатление на противника, подбодрить идущую в атаку пехоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.